

УДК 316.334.4–053.6

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

© 2016 г. В. П. Берестов

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск*

В представленной статье осуществляется попытка сравнительного анализа методологических подходов в отечественной социологической мысли к исследованию правовой культуры российской молодежи. Автор статьи обосновывает положение о «границах» социологического анализа, связанных с принятием базисных установок, и операционализацией критериев в зависимости от социологических конструктов «молодежи» и «правовой культуры». Для автора значимой является актуализация потенциала структурно-конструктивистского подхода, так как, по его убеждению, создается многомерная модель исследования правовой культуры молодежи и, что важно, определяются возможности повышения ее гражданской направленности.

Ключевые слова: правовая культура; российская молодежь; методологические подходы; структурно-функциональный подход; институциональный подход; субкультурный подход; структурно-конструктивистский подход.

In the presented article attempt of the comparative analysis of methodological approaches in domestic sociological thought to research of legal culture of the Russian youth is carried out. The author of article proves the provision on the «limits» of the sociological analysis connected with acceptance of basic installations and an operationalization of criteria depending on sociological constructs of «youth» and «legal culture». For the author updating of potential of structural and constructivist approach as on his belief the multidimensional model of research of legal culture of youth is created and that is important, possibilities of increase of its civil orientation are defined.

Key words: legal culture; Russian youth; methodological approaches; structurally functional approach; institutional approach; subcultural approach; structural and constructivist approach.

Проблема исследования правовой культуры российской молодежи является актуальной, так как молодежь как группа социального воспроизводства и развития, влияет на перспективы становления в России правового государства и правового порядка. Следует подчеркнуть, что российская молодежь, несмотря на негативные изменения в социально-демографической структуре общества, занимает важное место в правовом регулировании в обществе [12]. Это связано с тем, что молодые россияне, которые относятся к двум постсоветским поколениям, которые

взрослеют в новой социально-политической реальности, определяют тенденции правовой культуры, ориентируясь на право как способ легализации или рискогенности социальных практик.

Опыт других стран, в частности, Украины, Грузии, Киргизии свидетельствует о том, насколько важна проблема формирования основ правовой культуры у молодежной части общества. Повсюду в современных революциях и переворотах молодежь используется как авангардная ударная сила, которой манипулируют олигархические

национальные группировки и зарубежные «кукловоды». При этом проблемы, связанные с пробелами в правовом воспитании и культуре, ярче всего проявляются в период выборов, которые используются деструктивными силами как повод для активных действий: на волне протестов против фальсификаций выборов прошла «революция роз» в Грузии, «тюльпановая революция» в Киргизии, «оранжевая революция» в Украине; Евромайдан, возникший как реакция на внешнеполитическую ориентацию Украины, также проходил под лозунгами новых выборов и создания основ украинского народовластия. В связи с этим вопросы электоральной культуры в ряду проблем правовой культуры современной молодежи выдвигаются на первый план.

Ситуация в современной России осложняется разделением общества на почти независимо существующие, зачастую конфликтующие, страты с разными представлениями о морали, культуре, в том числе правовой. Ощущается зыбкость гражданского согласия, возникает угроза потери российской властью своей социальной базы.

Можно констатировать, что, несмотря на определенный исследовательский задел в сфере изучения правового поведения молодежи, ее правовых установок [2, 4, 8, 11, 13], практически не затронутым является правовая культура молодежи как совокупность ценностей, идей, норм, определяющих отношение молодежи к праву как социальному регулятору и социальной ценности. Исследователи зачастую акцентируют внимание на внешних, фоновых обстоятельствах правового поведения молодежи, а правовая культура определяется как фактор влияния молодежных субкультур.

Между тем, с российской молодежью связывается возможный сценарий развития института права в российском обществе: так или иначе, молодежь воспринимается либо как группа, ориентированная на принятие и реализацию правовых норм как норм современного общества и обоснования модернизаторских ценностей, либо молодежи приписывается статус группы правового «анархизма», отклоняющей правовые нормы под воздействием ситуации социальной неопределенности, неверия в государство как гаранта права

и неэффективности правовых регуляторов в достижении жизненных стратегий.

Вполне логично в контексте вышеизложенного говорить об аналитическом и исследовательском потенциале сложившихся в отечественной социологической мысли подходов к исследованию правовой культуры молодежи. Так как за российской молодежью закрепился статус группы социальной транзигции, в основном, доминирует структурно-функциональный подход, содержащий, с одной стороны, анализ правовой культуры молодежи как следствие влияния социоструктурных детерминант, выражаемых в оценке правовой ресурсности молодежи, с другой стороны, определение запроса молодежи на правовую культуру, описание ожиданий, связываемых молодежью с институтом права, и совокупностью требований, которые предъявляются институтам права к поведению и оценке молодежи правовых регуляторов.

Примечательно, что американские функционалисты еще в 70-е годы XX века подчеркивали, что в современном обществе существует проблема поколений, разрыв между убеждениями и делами молодых людей и экзпектациями взрослых [1; 297]. Полагая, что взгляд на молодежь как апатичное поколение, ориентированное на радикализм, гедонизм или конформизм, связано с влиянием таких факторов, как образование, профессиональный успех, отрицание опыта старших поколений, в качестве вывода формулировалось определение правовой культуры молодежи в рамках воздействия социальной стратификации на институт права. Исходя из данного положения, правовая культура молодежи трактовалась, как легитимация «частного» правового порядка, определяемая возможностями на основе правовых регуляторов артикулировать и представлять интересы молодежи. В этой связи подчеркивалось значение законности, системы действующих норм права, так как в правовой культуре молодежи возможны коллизии «интереса к праву и отклонения законности». Судя по всему, для функционалистов важным является исследование организационных устоев, которые делают возможным функционирование концептуальных норм в правовой жизни [1; 227].

В отечественной мысли структурно-функциональный подход стал основным

в исследовании правовой культуры молодежи в постсоветский период. На такой методологический выбор повлияли, во-первых, рецессивность российской социологии, восприятие сформировавшихся в зарубежной социологии подходов по степени известности и доступности; во-вторых, структурный функционализм ориентирует на проблемы институциональной регуляции, с институтом права как базовым институтом нового правового порядка связывались перспективы молодежи в качестве группы легальных практик.

По существу, анализ изложенных проблем подталкивал к мысли о том, что, хотя легализация — продолжительный и ступенчатый процесс [9; 107], молодежь в качестве «рыночной» группы в достаточной степени заинтересована в эффективном правовом контроле, и гражданская правовая культура молодежи складывается в процессе принятия формальных норм в виде следования и обращения к закону на уровне рутинного способа разрешения конфликтов и является ресурсом социальной активности молодежи. Задача методологического выбора и оценка эффективности конструируемых аналитических схем осложнялись тем, что в российском обществе несоответствие между правовыми нормами и практикой их реализации влияло на правовую культуру молодежи на основе селективности применения правовых норм.

Российская молодежь не укладывается в рамки правовой зависимости, взаимного интереса и взаимного признания правовых норм.

В процессе социальных взаимодействий молодое поколение определяет отношение к праву в рамках социально значимых статусных характеристик. Социальная мобильность молодежи, социальное самоопределение выводят на понимание права в рамках интеграции молодежи в социальную структуру общества. Однако, правовые нормы под влиянием действующих в российском обществе неформальных конвенций и нестабильности «правил игры» воспринимаются неоднозначно. С одной стороны, восприятие права связывается с возможностями молодежи достичь социального и профессионального взросления, исключить возрастную дискриминацию, обеспечить равновесие прав и обязанностей [6; 18–19], с другой стороны,

выявляется «нормативизм», неадекватный реальным условиям социальной регуляции и саморегуляции. Российская молодежь сталкивается с эффектом маргинализации права, с деформализацией правовых норм и сложностями действовать в соответствии с ожидаемыми критериями и приоритетами. Это выражается в том, что правовая культура, если закрепляется в качестве обязательных норм и ценностей, приписывающих правомерное поведение, не становится схемой перевода ценностей права в систему социального статуса. Иными словами, от уровня правовой культуры не зависит социальная мобильность молодежи. Высококатегорные социальные группы в окружении молодежи фиксируют монополизм на ресурсы права, и удовлетворение потребности в праве ассоциируется с возможностями инструментального использования правовых норм.

Таким образом, ориентируя на исследование внешних (экзогенных) факторов правовой культуры российской молодежи, структурно-функциональный анализ основывается на анализе социально-групповых взаимодействий молодежи в рамках правового регулирования, объясняет становление и развитие правовой культуры, исходя из социально-статусных позиций, стратификационных неравенств и реализации в контексте правового регулирования молодежью ее основных социальных функций (воспроизводственной, инновационной, трансляционной).

Ограничениями структурно-функционального подхода выступает определение правовой культуры молодежи в рамках доступа к правовым ресурсам и влияния на состояние правовой культуры социальных неравенств, что сужает возможности аналитических обобщений, ориентированных на структуризацию, создание молодежью «непреднамеренных или преднамеренных» эффектов по изменению практик правоприменения. Имеется в виду, что отношение молодежи к праву выводится из режима социального взросления в состояние включения в новые формы социального взаимодействия, что правовая культура молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества может рассматриваться, даже если признать ее роль в равенстве социально-статусных позиций, путем выработки образцов,

гарантирующих достижение и сходство позиций молодежи через отклонение или коррекцию правовых норм, несмотря на их обязательный характер.

Возникает ситуация описания правовой аномии молодежи, в то же время важно подчеркнуть и влияние механизмов социальной саморегуляции в качестве мотивационной основы социального поведения. М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги подчеркивают, что формирование правосознания подрастающего поколения — основная идеологическая функция современного правового государства [4; 40]. Соглашаясь с этим положением по существу, можно говорить о том, что сложность представляет позиция молодежи, в которой образ России как однозначно правового государства отсутствует. Поэтому речь идет о том, что молодежь дезориентирована или затрудняется с определением критериев правового государства, и в то же время государство не в состоянии сформулировать и внедрить в молодежной среде ценности права, так как для молодежи право ассоциируется отчасти с внешним принуждением, отчасти с бюрократией и администрированием.

В рамках институционального подхода определяющим является анализ правовой культуры российской молодежи на основе критериев отношения к институту права, принятия права как механизма социального взаимодействия и правовой регуляции в межинституциональном поведении молодежи. Хотя исследовательское внимание обращается на правовую автоидентификацию, позиции молодежи к профессии, образованию, гражданству, состоянию правовой культуры молодежи выводится из эффективности института права как регулятора повседневной жизни. Сложности в достижении адекватной правовой культуры заключаются в дефиците доверия к институту права, к архаизации, демодернизации, индивидуализации и рационализации отношения к праву.

В рамках этой группы фиксируется несформированность правового сознания российской молодежи как следствие либо традиции «неписанного» права, либо того, что можно назвать утратой позитивных социальных импульсов прошлого советского периода [5; 44]. Несмотря на разнонаправленность в оценке тенденций развития пра-

вовой культуры молодежи, основным трендом объявляется уход от традиционализма и принятие правовой культуры в качестве обоснования выбора социальной мобильности, предприимчивости и инициативы молодежи. В определенной мере, однако, такой оптимистический взгляд не отражает динамики массовых настроений молодежи в правовой сфере.

Социальный оптимизм молодежи в российском обществе в основном базируется на уверенности в собственных силах, что ослабляет обязательное воздействие правовых норм и снижает влияние универсализирующей правовой культуры, так как допускает правовые абберации, ориентированные на возмещение норм права неправовыми стереотипами или ориентирует на принятие права как инструментальной ценности, фиксирующей различия интересов и действующей в рамках компромисса формальных (правовых) и неформальных норм.

Другая точка зрения, выраженная И. Н. Игошиным, определяется тем, что вследствие радикальной смены институционального устройства произошло не только ослабление институтов, но и нечто более опасное — смещение и искажение институциональных систем общества [7; 3]. В приложении к исследованию правовой культуры молодежи это означает, что не выработана нормативная модель права, так как в российском обществе не получила общественного признания ценность права. Молодые россияне в условиях дискредитации правовых норм, не имея доверия к праву, действуют по формуле «непрозрачности» права. Так как правовые нормы могут вступать в конфликт с другими институтами, практики правоприменения не отрегулированы, правовая культура молодежи характеризуется парадоксальностью, противоречивостью восприятия права как рационального инструмента социального обмена и социального взаимодействия, и допущением, легитимацией «иррациональных» инструментов личной и групповой лояльности, обмана, произвола.

Таким образом, институциональный подход содержит, с одной стороны, ценное указание на влияние неформальных норм, описывает функционирование института права как условия становления правовой культуры российской молодежи; с другой — нацелен

на определение исследовательских интересов в этой сфере определением «границ возможного» молодежи, описанием слабой регулятивной роли института права в правовой социализации молодого поколения, влиянием институциональных искажений на деформации правовой культуры.

В то же время представляется, что в институциональном подходе заложено рациональное зерно в том смысле, что достаточно последовательно анализируется возможность создания новой модели правовой культуры, предлагающей в качестве механизма формирования ее основ включение молодежи в правотворческую деятельность, в процесс имплементации правовых норм в повседневные практики россиян, в формирование в молодежной среде отношения к праву как основной регулятивной ценности.

Позиция сторонников «субкультурного» подхода заключается в том, что молодежная среда не выработала формулы правовой культуры и дифференцирована по субкультурным основаниям, что, если говорить о состоянии правовой культуры молодых россиян, то уместным является анализ схем восприятия и образов права как имеющих принадлежность к различным слоям молодежи. Иначе говоря, в качестве исходного критерия устанавливается амбивалентность, фрагментированность правовой культуры российской молодежи. Это положение обосновывается тем, что молодые россияне в условиях социальных и территориальных неравенств, атомизации и индивидуализации общественной жизни ориентируются на «партикулярные» правовые ценности. Речь идет о том, что, создавая социальные микрогруппы на основе общности потребностей, интересов и ценностей, молодые люди ориентированы на единство критериев в правовой сфере [6; 27].

В этом качестве правовая культура может принимать мимикрирующий или имитирующий характер, являться демонстрацией внешней лояльности при отсутствии или бойкоте правовых норм в межличностном регулировании. Правовые нормы рассматриваются по критерию соответствия стилю поведения, а интерес к праву выражает субъективный запрос, связанный с особенностями индивидуального и микрогруппового сознания. Исходя из базового опреде-

ления правовых установок, в субкультурном подходе актуализируется понимание права в статусе диспозиции, в том, что молодежные субкультуры в зависимости от идейно-мировоззренческой векторности формируют состояние готовности к принятию или отклонению правовых норм.

В принципе, субкультурный подход предполагает, что в молодежной среде под влиянием контриденности, противопоставления старшим поколениям и официальному дискурсу правовая культура не может быть сформирована как гражданская. Партикулярный (частный) характер субкультур нацеливает на принятие участниками неформальных групп права в зависимости от соответствия интересам и потребностям группы. Поэтому подчеркивается, что молодежные субкультуры могут ранжироваться по критерию правовой лояльности, оценки деструктивного или конструктивного потенциала по отношению к праву. В. А. Луков пишет, что если попытаться выявить черты, свойственные различным субкультурным образованиям в молодежной среде, то связь с субкультурами криминала окажется одной из наиболее часто представленных — наряду с влиянием западной молодежной моды, феноменом романтической компенсации повседневной рутины, а также воспроизводством некоторых черт советского прошлого. Эти четыре характеристики могут выступать как основа типологизации молодежных субкультур в России. В отборе субкультурных феноменов для описания и анализа мы в основном ориентировались на них [10].

Таким образом, в субкультурном подходе содержится «пессимизм» оценок правовой культуры молодежи, поскольку очевидно, что ни одна из представленных черт, свойственных субкультурным образованиям, не обладает ориентированностью на формирование правовой культуры молодежи. В большей степени субкультурный подход выявляет схемы восприятия правовой культуры, квалифицируя включенность правовых норм и ценностей в молодежную среду, как имеющих ограничения в характере субкультурного доминирования, в том, в какой степени молодежные субкультуры делинквентны и каким образом можно анализировать влияние на правовую культуру таких явлений, как

молодежная мода, молодежный радикализм, молодежный романтизм.

При этом из исследовательского интереса выпадает массив проблем, связанных с тем, что влияние субкультур преувеличивается, поскольку принадлежность к субкультуре не отменяет официального социального статуса, связанного с внешней лояльностью к праву. Другое дело, что сторонники субкультурного подхода обоснованно подчеркивают, что под влиянием субкультурных образцов подвергается эрозии представление о праве как смыслообразующей ценности в социальной регуляции.

Предпочтительным методологическим выбором в исследовании правового сознания российской молодежи может выступать структурно-конструктивистский подход, основные положения которого сформулированы французским социологом П. Бурдьё. В переведенных на русский язык «Началах социологии» и «Социологии политики» он отмечает, что по отношению к правовому сознанию можно предложить многомерную модель, определяемую критериями социального позиционирования молодежи, ее правовых практик, отношения молодежи к ценности права. В частности, П. Бурдьё подчеркивает, что в целях преодоления оппозиции «объективизма — субъективизма» в социологии необходимым представляется ввести понятие правосубъектности молодежи, правда, отказываясь от определения субъекта, как в целом подверженного безоговорочному влиянию правовых норм и управляемому внешними правовыми структурами.

В обосновании собственной позиции французский социолог отталкивается от активности и способности молодежи действовать самостоятельно, быть деятелем практик определенного сорта и осуществлять стратегии, направленные на сохранение или изменение своей позиции в социальном пространстве путем актуализации или неактуализации правовых норм [3; 16]. Для него важным представляется анализ, с одной стороны, права в системе социальных ресурсов молодого поколения, с другой — диспозиций молодежи по отношению к праву, того, что является схемами восприятия и оценивания, что структурирует правовое поведение молодежи и ее представления о занимаемом в обществе правовом статусе.

Для российской социологии актуальной является мысль П. Бурдьё о том, что молодежь, как практическая социальная группа, воспроизводится в рамках социальных практик и порождаемых в их контексте социальных и культурных различий. Из этого следует, что правовая культура российской молодежи определяется отношением к праву, как социальному ресурсу, социальному капиталу, и способностью правовых норм обозначать различие интересов молодежи по сравнению с другими социально-возрастными группами. В эмпирическом (социально-прикладном) аспекте это означает, что критериями исследования правовой культуры российской молодежи является определение места права в ее социальной ресурсности, возможностей конвертации права в экономический, социальный, культурно-символический, политический капиталы, степень закреплённости правовых норм в системе устойчивых социальных диспозиций молодежи, влияние права на готовность молодежи к совместным практикам и степень автоидентификации молодежи с правовыми нормами в качестве граждан России.

Важным следствием структурно-конструктивистского подхода является обоснование положения о том, что правовая культура молодежи воспроизводится, создается путем целенаправленной деятельности, связанной с пониманием молодежью права как, с одной стороны, консолидирующей молодежь позиции для осознания собственных интересов, с другой — как символического представительства, принятия в российском обществе молодежи как общности, наделенной правовой референтностью, способностью ориентировать в межпоколенческом диалоге на сужение действия «неписанного права» и легализацию форм коллективного представительства в различных сферах общественной жизни путем консенсуса по отношению к целям построения правового государства.

Литература

1. Американская социология. — М.: Прогресс, 1972. — 390 с.
2. Ахметов А. С. Правовое воспитание как важнейшее условие формирования пра-

вовой культуры // Юридическое образование и наука. — 2014. — №3. — С. 25–27.

3. *Бурдые П.* Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко / — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.

4. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России: социологический портрет. Второе издание, дополненное и исправленное. — М.: Институт социологии РАН, 2010. — 592 с.

5. *Дискин И. А.* Россия, которая возможна. — М.: «Юрист», 2011. — 175 с.

6. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Социальная регуляция в условиях неопределенности. — М.: Academia, 2008. — 272 с.

7. *Игошин И. Н.* Институциональные искажения в российском обществе. — М.: Кнорус, ДИРЕКТМЕДИА ПАБЛИШИНГ, 2003. — 152 с.

8. *Кетова Л. П., Мироненко Е. А.* Электоральная активность российской молодежи // Российское государство и право: история и современность: сб. статей преподавателей и студентов специальности (направления подготовки) «Юриспруденция» / Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. —

Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2015. — С. 45–53.

9. Куда идет Россия?... Формальные институты и реальные практики [Текст]: Междунар. симпозиум 18–19 января 2002 г. / МВШСЭН; Под общ. ред. Т. И. Заславской. — МВШСЭН — М.: МВШСЭН, 2002. — 352 с.

10. *Луков В. А.* Молодежные субкультуры в современной России [Электронный ресурс] <http://psyfactor.org/lib/sukult.htm> [дата обращения: 06.03.2016].

11. *Низовцев В. В.* Правовая культура в контексте политического отчуждения // Право и образование. — 2008. — №8. — С. 94–99.

12. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 №2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — №50. — Ст. 7185.

13. *Шемелин А. В., Буданова Н. А.* Участие российской молодежи в избирательном процессе: гражданская позиция, политический выбор и правовое просвещение // Юридический мир. — 2010. — №6. — С. 9–11.

Поступила в редакцию

14 января 2016 г.

Берестов Виктор Петрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры «Публично-правовые дисциплины» ЮРГПУ (НПИ).

Berestov Viktor Petrovich — Ph.D., Candidate of Jurisprudence, docent at the South-Russian State Polytechnic University (NPI) of M. I. Platov name «Public Law Disciplines» department.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-57-71; e-mail: jurisprudence-urgtu@yandex.ru